

ИСТОРИЯ

УДК 94(47).083:378.4

*М.В. Грибовский***ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ УНИВЕРСИТЕТЫ НА РУБЕЖЕ XIX–XX вв.
КАК ФАКТОР МОДЕРНИЗАЦИИ РОССИИ**

Статья выполнена по теме научно-исследовательского проекта «Значение научно-образовательного комплекса Западной Сибири конца XIX – середины XX в. в условиях модернизации российского общества» в рамках реализации Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 гг. (ГК № 16.740.11.0698 от 8 июня 2011 г.).

Рассматривается вопрос участия университетов Российской империи в процессах модернизации страны на рубеже XIX–XX вв. Центральным понятием указанного периода было качественное обновление России через оформление основ капиталистического порядка в экономике и преобразование политической системы в направлении отхода от самодержавия. Университеты участвовали в модернизационных процессах через профессиональную деятельность профессоров и преподавателей, а также посредством общественно-политической активности как преподавательского корпуса, так и студенчества.

Ключевые слова: университет; модернизация; профессура; студенчество.

В современном российском обществе развернулась дискуссия о модернизации России и путях ее осуществления. При этом очевидно, что локомотивом модернизационного процесса могут стать именно наука и система образования. На это указывают многие современные исследователи [1. С. 5–13; 2. С. 41–46; 3. С. 240–244]. Последнее обстоятельство подталкивает к обращению к опыту функционирования отечественной высшей школы и в особенности университетов, которые в нашей стране всегда выступали флагманами образовательной системы.

В этом отношении рубеж XIX–XX вв. – специфический период, время ломки многих архаичных институтов и в экономике, и в социальных отношениях, и в политической жизни, период быстро протекавших общественных процессов. Центральным понятием этих десятилетий была модернизация России через оформление основ капиталистического порядка в экономике и, позднее, неизбежное обновление политической системы страны. Движение в указанном направлении началось за полвека до рассматриваемых времен – с отменой крепостного права в России. Прямое или косвенное участие в названных процессах принимали и университеты – и как самостоятельные общественные институты, и посредством лиц «университетской семьи» – профессуры и студенчества. Цель статьи – показать панораму университетской жизни России в условиях модернизационных перемен рубежа XIX–XX вв., роль и место университета в этих процессах, актуализировать проблему участия российских университетов наших дней в процессе модернизации современной России.

Если говорить об университете как факторе модернизации, то в первую очередь возникает закономерный вопрос о масштабе университетской сети, о том, насколько университеты могли охватить своим влиянием территорию и население Российской империи. Российский университет – явление, возникшее в середине XVIII в. Впрочем, позднее в связи с расширением Российской империи на территории нашей страны оказались высшие учебные заведения университетского ти-

па, основанные веком ранее первого отечественного – Московского – университета: это Дерптский (существовал с 1632 г.) и Гельсингфорский (существовал с 1640 г.). Большая часть российских дореволюционных университетов была основана в XIX в. – семь из одиннадцати (не считая Гельсингфорского университета, который не был включен в общероссийскую систему высшей школы в силу широкой автономии Великого княжества Финляндского). Последовательно университеты были основаны в Казани (1804 г.), Харькове (1805 г.), Варшаве (1816 г., в 1831–1869 гг. не функционировал), Санкт-Петербурге (1819 г.), Киеве (1834 г.), Одессе (1865 г.), Томске (1878 г.). В начале XX в. в досоветской России открылись еще два университета – Саратовский (в 1909 г.) и Пермский (в 1916 г. как филиал Петроградского, с лета 1917 г. – как самостоятельный вуз). Помимо этого, в 1803–1832 гг. существовал Виленский университет, закрытый после польского восстания 1831 г.

С открытием каждого университета связана своя история. В одних случаях идея открытия университета реализовывалась достаточно быстро, в других – затягивалась на десятилетия. Например, сибирский университет, задуманный в 1804 г., был открыт лишь в 1888 г. В одних случаях университетский проект осуществлялся исключительно «сверху» по замыслу государственного аппарата, в иных – значительную роль играла общественная инициатива. Показательна в этом отношении история Харьковского университета, который своим открытием во многом обязан украинской общественности, в первую очередь видному просветителю В.Н. Каразину. Возникновение последнего в досоветский период Пермского университета пришлось на годы Первой мировой войны и революции 1917 г. В этот период еще один город – Ростов-на-Дону – стал университетским, туда в 1915 г. был эвакуирован Варшавский университет. Итак, накануне революционных преобразований во всей Российской империи насчитывалось 12 университетов. Это незначительное число несколько компенсировалось за счет высших техниче-

ских, сельскохозяйственных, военно-медицинских, духовных и других учебных заведений. Всего в России в 1917 г. было порядка 160 вузов, размещенных примерно в 30 городах [4. С. 297].

На протяжении рассматриваемого периода число студентов во всех университетах изменилось следующим образом: 1880 г. – 8 200, 1900 г. – 16 000, в 1917 – 30 000 (цифры округлены) [4. С. 109, 118]. Из этого числа около половины студентов приходилось на два самых крупных столичных университета – Московский и Петербургский. Что касается университетской преподавательской корпорации, то она представляла собой весьма тонкую прослойку российского общества. Так как в штате каждого университета полагалось иметь порядка 70 преподавателей, в 1884 г. (год утверждения новых штатов) преподавательский корпус всех университетов насчитывал около 500 человек, а в 1917 г. – немногим более 800 [5, 6]. Эти цифры не учитывают приват-доцентов, которые были выведены за штат, между тем, например, в 1903 г. в университетах вели занятия 560 внештатных преподавателей – приват-доцентов [7. С. 159]. Как относиться к этим цифрам? С чем их можно сравнить? Уровень высшего образования в России по отношению к численности населения, в сравнении с рядом стран западной цивилизации, заметно отставал. Так, в России в конце XIX в. на 5 000 человек приходился один студент. Примерно в то же время в Италии один студент приходился на 2 100 человек, а в Североамериканских Соединенных Штатах – на 404 жителя [4. С. 110]. Для сравнения: в настоящее время в России порядка 8 млн студентов и 1 000 вузов [8], и многие из них именуются университетами, не имея на то достаточных оснований (дело в начавшемся в постсоветский период процессе «университетализации» вузов: большая часть институтов переименовалась в университеты). При этом к классическим университетам в современной России можно отнести не более полусотни вузов. Так, Ассоциацию классических университетов России, созданную в 2001 г., в настоящее время входит 44 вуза, соответствующих критериям классического университета [9].

Вернемся к рубежу XIX–XX вв. Приведенные выше цифры, свидетельствуя о заметном отставании Российской империи в сфере высшего образования от Западной Европы и Северной Америки, вполне соответствовали специфике социальной структуры российского общества: большую часть населения страны продолжали составлять крестьяне, патриархальный быт которых охраняла сельская община. Модернизационными процессами в гораздо большей степени был охвачен город, и влияние на эти процессы университет, безусловно, оказывал.

Каким образом университет мог участвовать в модернизационных процессах? Во-первых, это было возможно через профессиональную деятельность профессоров и преподавателей. Во-вторых, посредством общественно-политической активности как преподавательского корпуса, так и студенчества. При рассмотрении университетского профессорско-преподавательского корпуса в контексте модернизации обращают на себя внимание два, на первый взгляд, не связанных друг с другом аспекта – наука и политика. С одной сто-

роны, профессора и преподаватели путем проведения научных исследований обеспечивали прогресс в различных областях знания. С другой стороны, университетская общественность как носитель преимущественно демократических взглядов принимала участие в модернизации политической системы в Российской империи в начале XX в.

В рассматриваемый период наука в России была, как правило, вузовской (университетской). Именно среди университетской профессуры числились фигуры, внесшие самый основательный вклад в развитие отечественной науки рубежа XIX–XX вв. Путь приват-доцента, экстраординарного профессора, ординарного профессора того или иного отечественного университета прошли химик Д.И. Менделеев, в 1857–1890 гг. преподававший в Санкт-Петербургском университете, биолог И.И. Мечников, в 1870–1882 гг. профессор Новороссийского университета, естествоиспытатель В.И. Вернадский, в 1898–1911 гг. профессор Московского университета, естествоиспытатель и физиолог К.А. Тимирязев, в 1877–1911 гг. профессор Московского университета, физик П.Н. Лебедев, в 1900–1911 гг. профессор Московского университета и многие другие.

Помимо того что начало XX в. – время важнейших научных открытий, предопределивших вектор развития человечества, это еще и время бурных общественно-политических процессов в России, время быстрой политизации общества. Университеты, будучи местом концентрации интеллектуальных сил страны, не могли оказаться в стороне от политики. Многочисленные архивные материалы, источники личного происхождения позволяют утверждать, что политические убеждения университетского преподавательского корпуса были разными и нередко полярными. Пожалуй, относительно начала XX в. можно говорить о расколе советов университетов на группировки «правых» и «левых». Правые профессора объединились вокруг политической организации «Союз русского народа»; левые входили в «Академический союз», который осенью 1905 г. объединял уже порядка 1 800 преподавателей высшей школы [10. С. 66]. Поименно подсчитать и определить политические симпатии каждого университетского преподавателя едва ли сегодня представляется возможным, но составить представление о политических раскладах в тех или иных университетах в начале XX в. источники позволяют. Например, известен «Список личного состава администрации и профессоров Санкт-Петербургского университета с указанием кратких сведений о их прежней деятельности». В обшивном списке приведены имена 182 человек, при этом пятая часть всего профессорско-преподавательского корпуса столичного университета причислялась к категории неблагонадежных [11. Л. 2–31 об.]. Имеется и аналогичный список профессоров и приват-доцентов Московского университета, из которого следует, что более 40% преподавательского состава ИМУ находились под подозрением Департамента полиции [11. Л. 33–50].

На протяжении рассматриваемого периода все большая часть профессоров и преподавателей начинала скептически относиться к существовавшему политическому строю и симпатизировать идее перемен. Профессорско-преподавательская коллегия постепенно пре-

вратилась в корпорацию, выражавшую мнение ее либерального большинства. Популярная «левая» профессура, безусловно, оказывала влияние на формирование мировоззрения студентов. Критичное отношение к самодержавию, прямо или косвенно звучавшее с университетских кафедр, оставляло след в студенческих умах, способствовало формированию новых политических практик. Впрочем, идейное влияние профессуры выходило за пределы университетских аудиторий. Занимаясь издательской и просветительской деятельностью, принимая участие в работе органов местного самоуправления, представители преподавательской корпорации транслировали свои общественно-политические взгляды в достаточно широкие слои городского общества. Однако будучи государственным чиновником, либеральный профессор, занимая не последнюю ступень на иерархической чиновничьей лестнице, прекрасно осознавал свою зависимость от властей. Поэтому оппозиционность либеральной профессуры к самодержавию, как правило, имела умеренный, ограниченный характер и редко шла дальше требований автономии высшей школы и ограничения власти бюрократии. Однако и такие требования в России с многовековым опытом самодержавной монархии дорогого стоят.

Наиболее примечательным является то, что две линии участия университетской профессуры в модернизационных процессах в России – научная и политическая – нередко совпадали: крупнейшие университетские ученые находились в рядах идейной оппозиции. Так, Мечников в 1882 г. вышел в отставку в знак протеста против охранительной правительственной политики в области просвещения. Менделеев в 1890 г. оставил Петербургский университет из-за конфликта с министром просвещения, который во время студенческих волнений отказался принять от профессора студенческую петицию [12. С. 226–227]. Московские профессора Вернадский, Тимирязев и Лебедев вышли в отставку в 1911 г., протестуя против курса, проводимого министром народного просвещения Л.А. Кассо («дело Кассо») [13. С. 10–19].

Перемены, охватившие страну в начале века и связанные в первую очередь со становлением капиталистических отношений в обществе, заставили обратить внимание на постановку учебного дела в университетах. Не удивительно, что именно в рассматриваемый период серьезному пересмотру подверглась система организации учебного процесса. На протяжении многих десятков лет в России существовала курсовая система, состоявшая в зачете годовых курсов. Переход с курса на курс определялся результатами экзаменов, которые необходимо было сдавать весной в соответствии с количеством предметов, подлежащих изучению в данном году. Достоинство курсовой системы заключалось в простоте контроля. Серьезным недостатком курсовой системы было назначение большого количества экзаменов на сравнительно короткий период времени, что приводило к невозможности глубокого изучения учебных дисциплин, перегрузке студентов.

В начале XX в. в высшей школе была введена предметная система. Правила о переходе на предметную систему обучения были опубликованы 12 июня 1906 г. Суть ее заключалась в том, что вводилось свободное посещение лекций и других занятий (кроме занятий в

лабораториях учебных мастерских). Студенту требовалось прослушать определенное количество предметов и сдать определенное число экзаменов. Для получения выпускного свидетельства от студента требовался зачет восьми полугодий. Студент был обязан выполнить требования одного из утвержденных для факультета учебных планов и подвергнуться испытанию по тем предметам, которые будут установлены для него соответствующим факультетом. Он мог приступить к экзамену лишь по тому предмету, который прослушал, своевременно на него записавшись, и по которому он выполнил обязательные для него практические занятия. Экзамены проводились не один раз, а в начале или в конце семестра, в некоторых высших учебных заведениях допускалось сдавать их в течение всего учебного года. Достоинствами этой системы стали предоставленная студентам возможность комбинировать предметы в рамках программы и возможность сдавать экзамены по мере готовности. Отстающие и талантливые получили возможность составить себе индивидуальный план обучения, равномернее распределить нагрузку, получить более прочные знания. Такая система стимулировала студента, отвечала условиям жизни малообеспеченных студентов, вынужденных, наряду с учебой, искать заработка. От студента требовалось умение самостоятельно определить приоритеты, сосредоточить внимание на основных проблемах. Предметная система в большей степени соответствовала новым временам, была более адекватна капиталистическому духу, хотя следует признать, что укорениться на отечественной почве она не успела. Введение предметной системы вызвало дискуссию в университетской среде [14. [пагин. 6-я]. С. 1–47; 15. [пагин. 3-я]. С. 1–96].

Важно отметить, что начиная со второй половины XIX в. состав российского студенчества неизменно демократизировался. Юридическую основу этого процесса заложил университетский устав 1863 г., предполагавший всеобщность высшего образования [16. С. 27–28]. Российское студенчество на рубеже XIX–XX вв. превратилось в заметную политическую силу. В начале века университеты сотрясались от многочисленных студенческих выступлений. Эти выступления были направлены, как правило, против инспекции, против чрезмерного административного надзора, часто приобретали политический характер, но крайне редко сопровождалась какими бы то ни было конфликтами непосредственно между волнующимися студентами и профессорами. Архивные материалы указывают, скорее, на косвенные трения (их обычно именовали «столкновениями») между профессурой и студенчеством на фоне студенческого движения. Обобщение множества эпизодов позволяет выделить типовые случаи (формы) таких «столкновений»: требование студентов прекратить лекцию или закончить ее раньше срока по причине необходимости обсуждения насущных вопросов, срыв занятий через обструкцию, срыв занятий путем вторжения в аудиторию, срыв занятий путем массового непосещения лекций.

Вышеприведенные виды и примеры студенческих действий объединены тем, что хотя и касались конкретных преподавателей (чьи лекции тем или иным образом были сорваны), не были направлены персонально про-

тив того или иного профессора. Отказ студентов следовать правилам университетской жизни (в том числе аккуратно посещать занятия, уважительно относиться к преподавателям) был демонстрацией недовольства «внешними» обстоятельствами. Но были и другого рода выступления, такие как бойкот конкретных преподавателей со стороны студентов, не разделявших политических взглядов преподавателя. С течением времени студенческое движение все более политизировалось. При этом если оппозиционная профессура более тяготела к либеральным партиям, то студенчество, скорее, разделяло социалистические идеалы. Студенты своей активностью подталкивали власти к политическим переменам, и в этом смысле студенческое движение также может рассматриваться как фактор модернизации общественно-политической сферы страны.

Университетская система, зародившаяся в России в XVIII в., сложившаяся в первой половине XIX в., к рубежу XIX–XX вв. являла собой специфический организм, состоявший из взаимосвязанных элементов: профессуры, студенчества, учебного процесса, научных исследований, университетского архитектурного ансамбля. Российская империя начала XX в. стояла перед выбором: модернизация (смена формы правления, ликвидация сословных ограничений) через глубокие реформы либо модернизация через революцию. Российский университет, будучи местом сосредоточения как интеллектуальных сил страны, так и активной молодежи, стал на рубеже XIX–XX вв. одним из активных субъектов модернизационных процессов в России. Можно утверждать, что университетский компонент преимущественно олицетворял первую из названных альтернатив. Однако на практике была осуществлена вторая.

Рассуждая о связи событий и обстоятельств вековой давности с современностью, стоит отметить следую-

щее: исторический опыт подсказывает, что университет как важнейший социальный институт способен инициировать в обществе сложнейшие глубинные процессы, воздействовать на ментальность лиц, ответственных за принятие масштабных государственных решений и тем самым направлять общественный прогресс. Однако в наши дни наука перестала быть сугубо вузовской (существует мощный академический сектор). Сегодня университетские исследования вносят серьезный вклад в научный прогресс, а значит, в модернизацию страны, в первую очередь, в экономической сфере; ситуацию наших дней «революционной» (в марксистском понимании) не назовешь, но, по убеждению многих экспертов и наблюдателей (а также по заявлениям первых лиц государства [17, 18]), сегодня Россия стоит перед очередным выбором: либо «нефтяная» экономика и утрата конкурентоспособности, либо модернизационный толчок и прогрессивное развитие. Свою роль в осуществлении второго сценария может и должен сыграть университет.

По словам современного исследователя Д.А. Александрова, университет вовлечен в процесс модернизации априори. «Благодаря тому, что университет всегда занят формированием нового поколения образованных людей, он все время толкает время вперед. Университет создает будущее. В модернизации университет участвует всегда» [19]. Можно согласиться с исследователем в его суждении о том, что если университеты хотят быть одним из моторов модернизации, они должны стать не только поставщиком образовательных услуг, местом передачи традиций и знания, они должны стать местом формирования и распространения новых социальных практик – аналогично тому, как на рубеже XIX–XX вв. отечественные университеты участвовали в модернизации общественно-политической жизни страны.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Модернизация университета и общества* // Модернизация. Университет. Прикладная этика / под ред. В.И. Бакшатовского, В.В. Новоселова. Тюмень, 2010.
2. *Шадрин А.В.* Классический университет в модернизации образования, науки и промышленного производства // *Профессиональное образование в России и за рубежом*. 2010. № 2.
3. *Галазова С.С.* Экономика знания: партнерство между вузами и бизнесом как условие модернизации университетов // *Terra Economicus*. 2010. Т. 8. № 3–2.
4. *Высшее образование в России: очерк истории до 1917 года* / А.Я. Савельев, А.И. Момот, В.Ф. Хотеевков и др. ; под ред. В.Г. Кинелева. М., 1995.
5. *Список лицам, служащим по ведомству Министерства народного просвещения*. 1884/5 учебный год. СПб., 1884.
6. *Список лиц, служащих по ведомству Министерства народного просвещения на 1917 г.* Пг., 1917.
7. *Труды Высочайше утвержденной комиссии по преобразованию высших учебных заведений*. СПб., 1903. Вып. 4.
8. *Статистика российского образования*. URL: <http://stat.edu.ru/> (дата обращения: 01.06.2011 г.).
9. *Адреса университетов-участников Ассоциации классических университетов России*. URL: http://www.acur.msu.ru/members_list.php (дата обращения: 01.06.11).
10. *Иванов А.Е.* Профессорско-преподавательский корпус высшей школы России конца XIX – начала XX века: общественно-политический облик // *История СССР*. 1990. № 5.
11. *Российский государственный исторический архив (РГИА)*. Ф. 733. Оп. 151. Д. 117.
12. *Памяти Дмитрия Ивановича Менделеева*. Семейная хроника в письмах матери, отца, брата, сестер, дяди Д.И. Менделеева. Воспоминания о Д.И. Менделееве его племянницы Н.Я. Губкиной (урожд. Купустиной). СПб., 1908.
13. *Маркин В.Л.* «Университетский протест» 1911 г. и реакция российского общества // *Вестник Московского университета*. Сер. 8. История. 2009. № 5.
14. *Ивановский В.Н.* Предметная система в наших университетах и ее применение к философским наукам // *Журнал министерства народного просвещения (ЖМНП)*. 1907. Ноябрь.
15. *Покровский М.М.* Мысли о реформе университетского учебного строя на основе «предметной» системы // *ЖМНП*. 1906. Март.
16. *Университетский устав 1863 года*. СПб., 1863.
17. *Медведев Д.А.* Россия, вперед! URL: <http://news.kremlin.ru/transcripts/5413> (дата обращения: 01.06.2011 г.).
18. *Послание Президента Федеральному Собранию 30 ноября 2010 г.* URL: <http://президент.рф/news/9637> (дата обращения: 01.06.2011 г.).
19. *Александров Д.А.* Модернизационная роль университетов // *Русский журнал*. 2010. 30 апреля.

Статья представлена научной редакцией «История» 20 июля 2011 г.